

читателю или зрителю как в большой драме, так и водевиле. Человек, который будет воспринимать чеховское произведение, волен сам решить, какие для него персонажи – «положительные» или «отрицательные». Заранее известная авторская оценка не затуманивает сознание и заставляет читателей/зрителей делать выбор самостоятельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Том 12. Пьесы 1889-1891. – Москва: Наука, 2011. – 373 с.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Том 13. Пьесы 1895-1904. – Москва: Наука, 2011. – 551 с.

*А.Ю. Чиглаков (Россия, Самара)
Научный руководитель Т.В. Журчева*

БОГ ИЛИ РОК: В ЧЁМ ТРАГЕДИЯ ВАСИЛИЯ ФИВЕЙСКОГО?

В повести Леонида Андреева сталкиваются темы рока и веры. Вера главного героя вступает в противостояние с несчастьями, в которых проявляется тема рока. В статье анализируются взаимоотношения главных героев повести и образ самого о. Василия. Наблюдение за взаимоотношениями о. Василия с героями повести и его отношением к року позволяет выявить характер «обреченности» веры о.Василия, её неистинности. В ней не оказывается главной христианской добродетели – любви. Такая «пустота» веры оборачивается для о.Василия безумием и приводит к трагическому финалу повести. Сама же она не выдерживает испытания роком.

Ключевые слова: *Леонид Андреев, «Жизнь Василия Фивейского», тема рока.*

Одна из главных тем повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» – тема рока, возникающая с первых страниц повести, с первого её предложения. Мотив рока есть уже в фамилии героя, которая отсылает к легенде об Эдипе. Безусловно, главный образ, в котором воплощается рок в рассказе Андреева – образ младшего сына о.Василия. У него есть имя – в стремлении «воскресить» погибшего старшего Васю, его также нарекают Василием, но, «в безумии зачатый, безумным явился он на свет» – и в тексте он практически везде называется Идиотом.

Герои повести не борются с роком прямо – они пытаются «закрыться» от него, спрятаться, видимо, понимая всю тщетность этих попыток. Физически это проявляется в одну из ночей, когда попадая в приступе безумия пытается загородить мебелью дверь в комнату, где спит Идиот.

С главным героем повести – сельским священником отцом Василием происходит череда несчастий (смерть старшего сына, рождение Идиота, гибель жены в пожаре), постепенно приводящих его к безумию. О. Василий начинает считать, что избран Господом «на неведомый подвиг» и «неведомую жертву». В конце концов, в этой идее он доходит и до прямых аналогий с Христом: на похоронах случайно погибшего Семена Мосягина он пытается воскресить его, как Лазаря. Испуганный народ бежит из церкви, а Василий остается наедине с гробом и своим роком в тщетных попытках воскресить покойника. Видя, что попытки ни к чему не приводят, поп в исступлении кричит на мертвеца: «Да говори же ты, проклятое мясо!». Мосягин не воскресает, но вместо него в гробу священник видит смеющегося идиота. В отчаянии крича «Так зачем же я верил?», о. Василий выбегает из церкви и погибает, пробежав три версты от села.

Крушение веры в финале повести, нападки рока, безумие героя, идея об «избранности» и неудачная попытка совершить чудо – всё это неизбежно приводит при прочтении к вопросу о вере самого Василия и вере вообще. «Я – верю», – говорит герой повести и этой одной фразой противостоит всем несчастьям. Но там, где он уповает на Бога, он сталкивается лишь с роком. Бог есть только в сознании самого о.Василия – вокруг же есть только страшный рок – в этом трагизм произведения.

Наблюдая действительно прямо-таки «эдиповское» страдание героя, читатель невольно подходит к вопросу, который можно сформулировать так: если и существует в повести некая неподвластная героям сила (а она, безусловно, существует) – то почему же она настроена так враждебно к ним? В чём же, наконец, действительно кроется его вина, и есть ли она вообще? Или же Андреев подводит нас к мысли, что о.Василий терпит поражение лишь потому, что слепо отдаётся воле Бога, которого, между тем, просто нет?

Ответ на него кроется в характере веры о.Василия, о чем в первой главе книги «В тихом омуте» заметил Д.С. Мережковский:

«Весь вопрос в том, верит ли о. Василий. Он думает, что верит, упорно твердит: «Верую, верую, Господи!» – но думать, что веришь, и верить – не одно и то же. Мы о вере о. Василия слышим, но веры его не видим»².

И действительно – вера отца Василия – подлинно ли это христианская вера? Между характеристикой персонажей повести, которую даёт им автор, и образами, которые складываются впоследствии, при детальном рассмотрении наблюдаются некоторые довольно заметные противоречия. Так, о.Василий «верил торжественно и просто» и в то же время «церковную службу отправлял он плохо, не благолепно» (по крайней мере, по мнению прихожан). «Сын покорного и терпеливого отца, захолустного священника, он сам был терпелив и покорен» и «благословил Бога, так как верил в него торжественно и просто: как иерей и как человек с незлобивой душой». Это резко контрастирует со смехом, который прорывается у него, когда он видит впервые напившуюся от горя жену. Прихожанам на исповеди он всегда задает прямые и короткие вопросы: «Как

же ты живешь?» – старухе, потом – «А кто помогает тебе?», «Чего ты ждёшь?» – Семёну Мосягину. И всем выносит один вердикт: «Молись!», «Его проси!».

Василий, таким образом, как бы «перекладывает ответственность» за человеческие страдания на Бога. Его образ – это не образ святого отца. Он, вопреки долгу сана, хотя и «допрашивает по несколько часов», не дает ни одного наставления исповедующимся, кроме упомянутого «Его проси!», которое вряд ли можно назвать и наставлением. Никому, кроме, наверное, калеки Трифона, не напоминает о спасении («Слушай! Ты не бойся! Ада не будет! Это я верно тебе говорю!»).

Итак, он, быть может, и готов помочь, и добр на уровне сознания, однако же всегда остается «суровым» (что подмечают дьякон и Копров).

Таков Василий в службе. Но другой ли он вне её? Внимательно изучая «домашние» эпизоды повести, мы обнаруживаем, что такое же отношение, которое Василий выказывает прихожанам, он проявляет и к своим домочадцам. Сколько раз, видя ужасные муки жены, он сохраняет спокойствие и молчание.

В его вере мы не обнаруживаем, таким образом, важнейшей составляющей именно христианской веры, считающейся священной добродетелью – любви к ближнему. В сознании Василия, безусловно, она есть, однако же в сущности его, в его бессознательном, так же как и в его действиях, она не чувствуется. В диалоге с Настей он прямо признается ей, что никого не любит.

Итак, в вере Василия Фивейского мы не обнаруживаем любви. И одной из жертв её отсутствия становится Настенька. Родители её, сосредоточенные на мыслях о погибшем сыне, подчас не замечают её – живую.

Вырастая, она впитывает в себя ту обстановку, в которой жила. Это видно по нескольким эпизодам. В начале повести указывается, что «всегда игра её состояла в том, что кукла нарочно не слушалась, а она наказывала: больно вывертывала ей руки и ноги и секла крапивой». Когда Настя гуляет с попадъёй в период её беременности, автор сравнивает её с волчонком («прыгала, шумела, рыскала среди кустов, как развеселившийся волчонок»). В конце концов, мать застаёт её за ужасающим занятием: стоя перед зеркалом, дочь подражает идиоту. Когда её спрашивают, зачем она это делает, Настя «со странной откровенностью» отвечает, что ей это нравится, а позже говорит, что убила бы идиота.

Сосредоточенный на людях далёких и отвлеченных, или же вообще не сосредоточенный ни на ком, поп не видит тех, кто находится непосредственно перед ним. Члены его семьи, как и он сам, живут в постоянном, сдавившем их одиночестве,

Даже когда умирает попадья, когда попу, казалось бы, надо наконец «заметить» Настеньку и, быть может, окружить её заботой, он просто отправляет её к сестре, а сам остаётся с Идиотом. К жизни с ним Василий относится как к долгу, который нужно исполнять; может быть, даже епитимье. «Мой грех – со мною ему быть надлежит», – так говорит он дьякону. Сама же Настенька

«уехала без радости и горя; она была довольна, что мать умерла, и жалела только, что не пришлось сгореть Идиоту».

Самого Идиота Василий воспринимает не иначе, как добровольно избранный им крест, и не видит в нём сына.

После гибели Мосягина и эпизода в храме, когда поп пытается воскресить мертвого, словно Лазаря, он доходит в этих попытках до крайней степени своего безумия.

Итак, вера о.Василия рушится, вместе с ней рушится его жизнь. Он направляет молитвы Богу – но вокруг него лишь рок. И в то же время вера его, как оказывается, не истинна – лишённая любви, она обречена. Происходит то, о чем писал Мережковский *«О. Василий воскресающий вовсе не думает о Христе воскресшем; ему до него дела нет, потому что в лучшем случае по глупости человеческой, в худшем – по гордости бесовской он себя самого ставит на место Христа, <...>и на этой высоте, как Христа на «крыле храма», искушает о. Василия дьявол: Если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз. Вместо того, чтобы ответить со смирением и мудростью Христовой: Сказано: не искушай Господа Бога твоего, – он бросился и разбился. <...> может быть, по вере чудо: вера бесовская – и чудо бесовское?»*²

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Н. Иуда Искариот: повести и рассказы. – М., Эксмо, 2008. – С. 11-92.
2. Мережковский Д.С. В тихом омуте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://indbooks.in/mirror2.ru/?p=656778> (дата обращения: 29.12.2019).

*Шепелева Е.Л. (Россия, Самара)
Научный руководитель Л.Г. Тютелова*

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС «УМА» В КОМЕДИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО «НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ»

В школьных программах по литературе для среднего звена знакомство с личностью и творчеством А.Н. Островского носит факультативный характер. Данная работа дает несколько дополнительных вариантов изучения произведений драматурга на уроках литературы, чтобы показать актуальность и своеобразие его творческого наследия, обращаясь к которому, мы можем лучше понять, что происходило в русской литературе второй половины XIX века.

Ключевые слова: *«новая драма», мотивный комплекс, проблема автора, эстетическая коммуникация.*

Исследование опирается на теорию «новой драмы». Нам важно было рассмотреть мотивный комплекс «ума» как один из способов организации ком-